

ААРОН
АППЕЛЬФЕЛЬД
ЦВЕТЫ ТЬМЫ

[roman]

CORPVS

Аарон Аппельфельд

Цветы тьмы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14465851
Цветы тьмы: Corpus; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-085456-1

Аннотация

Роман Аарона Аппельфельда, который ребенком пережил Холокост, скрываясь в лесах Украины, во многом соотносится с переживаниями самого писателя. Но свою историю он рассказал в своих воспоминаниях «История жизни», а «Цветы тьмы» – это история еврейского мальчика Хуго, который жил с родителями в маленьком украинском городке, но когда пришли немцы и отца забрали, мать отдала его на попечение своей школьной подруги Марьяны. Марьяна – проститутка, живет в борделе и в чулане за своей комнаткой прячет одиннадцатилетнего Хуго. Ему предстоит учиться и жить воспоминаниями, и осваивать новый, незнакомый мир.

Аарон Аппельфельд

Цветы тьмы

© Aharon Appelfeld, 2006

© М. Черейский, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

® Издательство CORPUS

1

Завтра Хуго исполняется одиннадцать, и Отто с Анной придут к нему на день рождения. Многих его друзей уже отправили в дальние деревни, и оставшихся тоже скоро отправят. Напряжение в гетто велико, но никто не плачет. Дети тайком гадают, что же их ожидает. Родители сдерживают свои чувства, чтобы не сеять страх, но дверям и окнам не прикажешь. Они хлопают то сами по себе, то от нервных движений людей. Ветер свищет по всем закоулкам.

Несколько дней тому назад Хуго тоже собирались отправить в горы, но крестьянин, который должен был забрать его, так и не появился. А тем временем приближался его день рождения, и мама решила устроить маленький праздник, чтобы Хуго запомнились его дом и родители. Кто знает, что ожидает нас? Кто знает, когда снова увидимся? Вот какие мысли бродили в маминой голове.

Чтобы порадовать Хуго, мама купила ему у друзей, уже назначенных к высылке, три книжки Жюль Верна и том Карла Мая. Если он поедет в горы, возьмет с собой этот подарок. Мама собиралась добавить еще домино и шахматы, и еще книжку, которую она читала ему каждый вечер перед сном.

Хуго снова обещает, что в горах будет читать, решать задачки по арифметике, а по вечерам писать маме письма. Мама сдерживает слезы и старается говорить обычным голосом.

Кроме родителей Анны и Отто на день рождения приглашены и родители, чьих детей уже отправили в горы. Один из них принес аккордеон.

Все стараются скрыть тревогу и страх и делают вид, что жизнь продолжается как обычно. Отто приготовил ценный подарок: авторучку, отделанную перламутром. Анна принесла шоколадку и пачку халвы. Сласти радуют детей и на миг подслащивают горе родителей. А вот аккордеон почему-то не поднимает настроение. Аккордеонист из всех сил старается порадовать гостей, но извлекаемые им звуки лишь усиливают грусть.

И все же никто старается не говорить ни об «акциях», ни о рабочих бригадах, отправленных неизвестно куда, ни о сиротском приюте и доме престарелых, обитателей которых выслали без предупреждения, и уж конечно не говорят об отце Хуго, которого схватили месяц тому назад, и с тех пор о нем нет вестей.

Когда все расходятся, Хуго спрашивает:

– Мама, когда я тоже поеду в горы?

– Не знаю, я ищу для этого любую возможность.

Хуго не понимает, что это значит – ищу любую возможность. Он воображает себе житье без мамы как жизнь, исполненную внимания и полного послушания. Мама повторяет:

– Нельзя баловаться. Ты должен делать все, что тебе велят. Мама будет очень стараться навещать тебя, но это от нее не зависит. Каждого отправляют в какое-то другое место. В любом случае ты не должен чересчур надеяться. Если только смогу приехать – приеду.

– И папа приедет?

У мамы на мгновение замирает сердце, она говорит:

- Мы ничего не слышали о папе с тех пор, как его забрали на работы.
- Где он?
- Одному Богу известно.

Хуго заметил, что после «акций» мама часто говорит «одному Богу известно» – это одно из выражений ее отчаяния. И вообще, после «акций» жизнь превратилась в сплошную тайну. Мама пытается объяснить и успокоить, но все вокруг снова и снова говорит о некоей страшной тайне.

- Куда забирают людей?
- На работы.
- А когда они вернутся?

Он уже заметил, что мама отвечает не на все вопросы – не то что раньше. Есть вопросы, которые она просто игнорирует. Вместо того чтобы спрашивать, Хуго уже научился вслушиваться в тишину между словами, но сидящий в нем ребенок, который только несколько месяцев назад ходил в школу и делал уроки, не может себя сдерживать, поэтому Хуго спрашивает:

- Когда они вернутся домой?

Большую часть дня Хуго сидит на полу и играет сам с собою в домино или шахматы. Иногда приходит Анна. Она младше Хуго на полгода, но немножко выше его ростом. Она носит очки, много читает и хорошо играет на пианино. Хуго хочется произвести на нее впечатление, но он не знает как. Мама немножко учила его французскому, но и тут Анна впереди. Она умеет произносить по-французски целые фразы, и такое ощущение, что она может научиться всему, чему захочет, причем быстро. За неимением ничего лучшего он достает из ящика скакалку и принимается прыгать. Уж это-то он умеет лучше Анны. Она очень старается, но у нее не очень получается.

- Родители уже нашли тебе крестьянина? – осторожно интересуется Хуго.
- Еще нет. Крестьянин, который обещал прийти и забрать меня, так и не пришел.
- И мой не пришел.
- Наверное, нас отправят вместе со взрослыми.
- Не имеет значения, – говорит Хуго и качает головой, как взрослый.

Каждый вечер мама обязательно читает Хуго главу из книги. Последние недели она читает ему рассказы из Библии. Хуго был уверен, что Библию читают только религиозные люди, но вот поди ж ты, и мама читает ее, и он ясно видит перед собой картины прочитанного. Авраам представляется ему высоким, как хозяин угловой кондитерской. Кондитер любит детей, и каждый раз, что ребенок заходит в магазин, его ожидает маленький сюрприз.

Когда мама прочитала ему о жертвоприношении Исаака, Хуго поинтересовался:

- Это рассказ или сказка?
- Это рассказ, – осторожно отвечала мама.

Хуго был очень рад, что Исааку удалось спастись, но жалко было барана, которого принесли в жертву вместо него.

- А почему в рассказе больше ничего не говорится? – спросил Хуго.
- А ты попробуй представить сам, – посоветовала мама.

И совет сработал. Хуго зажмурил глаза, и тут же увидел зеленые высокие Карпатские горы. Внушительный Авраам со своим маленьким сыном Исааком шествуют медленно, а за ними с понурой головой плетется баран, как бы предчувствуя свою участь.

2

На следующий день вечером пришел крестьянин и увел с собой Анну. Когда Хуго услышал об этом, у него екнуло сердце. Большинство его друзей уже в горах, только он

остался. Мама все повторяет, что скоро и ему подыщут место. Иногда ему кажется, что дети тут больше не нужны, потому их и отсылают.

– Мама, почему отправляют детей в горы? – срывается у него с языка.

– В гетто опасно, сам не видишь? – обрывает его мама.

Хуго знает, что в гетто опасно, дня не проходит, чтобы кого-нибудь не схватили и не выслали. Дорога на станцию забита людьми. Они навьючены тяжелыми мешками и оттого едва бредут. Солдаты и жандармы подгоняют высылаемых кнутами. Несчастных людей толкают, они валятся на колени. Теперь Хуго знает, что вопрос – почему отправляют детей в горы? – был дурацким, и жалеет, что не смог сдержаться.

Каждый день мама дает ему короткие наставления. Одно из них она повторяет раз за разом:

– Ты должен все время оглядываться, слушать и не задавать вопросов. Чужие люди не любят, когда их расспрашивают.

Хуго знает, что мама готовит его к жизни без нее. Ему почему-то кажется, что в последние дни она пытается отдалить его от себя. Иногда силы покидают ее, и она принимается всхлипывать.

Отто тайком пробирается поиграть в шахматы. Хуго играет лучше его и побеждает без труда. В предвидении поражения Отто поднимает руки и говорит:

– Ты выиграл, делать нечего.

Жалко, что у Отто не получается играть получше и он не замечает даже простой угрозы.

Хуго утешает его:

– В горах у тебя будет время потренироваться, и когда мы увидимся после войны, ты уже будешь играть лучше.

– У меня нет способностей...

– Да игра не такая сложная, как тебе кажется.

– Для меня – сложная.

Ты должен готовить себя к самостоятельной жизни, вертится на языке у Хуго, но он не говорит ничего.

Отто – пессимист. Он похож на свою мать, которая вечно твердит: «В некоторых людей война вдыхает жизнь. А я подымаю руки и сдаюсь. Нет у меня сил бороться за ломоть хлеба. Если это и есть жизнь – мне такая не нужна».

Мама Отто – учительница в гимназии. Люди и сейчас, в этих горестных обстоятельствах, относятся к ней с уважением. Раньше она высказывала мнения и приводила примеры из древней и недавней истории. А сейчас она пожимает плечами и говорит: «Я ничего не понимаю. Миром овладел какой-то иной разум».

Хуго пытается запомнить все, на чем останавливаются его глаза: людей, в панике вбегающих в дом и сообщающих страшные вести, и тех, что сидят за столом, не произнося ни слова. Дом изменился до неузнаваемости. Окна плотно затворены, из-за штор еще темнее. Только из смотрящего во двор узенького окна Хуго видны Железнодорожная улица и высылаемые люди. Иногда Хуго узнает среди них своего одноклассника или кого-то из родителей. В душе он знает, что его ожидает та же участь, что и их. Ночью он прячется под одеялом – так он уверен, что пока что защищен.

Люди входят в дом без стука и без спроса, как это было после смерти бабушки. Мама здоровается с ними, но не может предложить им чашку кофе или стакан лимонада.

– Нечего мне предложить вам, – говорит она, зачем-то подымая руки вверх.

«Я запомню этот дом и каждый его уголок, но еще крепче запомню маму, – говорит себе Хуго. – Без папы она какая-то потерянная. Она старается делать все необходимое, мечется туда-сюда в попытках найти крестьянина, который заберет меня в горы».

– Откуда мы знаем, что это честный крестьянин? – не перестает в отчаянии спрашивать мама.

– Так говорят, – отвечают ей.

Все делается как бы на ощупь, во тьме, а в конце концов отдают детей незнакомым крестьянам, приходящим по ночам. Ходят страшные слухи, что деньги-то они берут, а детей сдают в полицию. Из-за этих слухов некоторые родители не хотят отдавать им детей. «Когда ребенок при тебе, ты можешь его защитить», – говорят такие напуганные родители.

Но Хуго отчего-то не страшно. Оттого, может быть, что летом он ездит в деревню к дедушке с бабушкой и иногда остается там на целую неделю. Ему нравятся кукурузные поля и луга, где пасутся пятнистые коровы. Дедушка и бабушка высокие, спокойные и молчаливые. Хуго нравится бывать у них. Он представляет свою жизнь среди крестьян как полную спокойствия. У него будут собака и лошадь, он будет их кормить и ухаживать за ними. Он всегда любил животных, но родители не позволяли завести собаку. А теперь он будет жить на природе, как крестьяне, дремлющие после обеда под деревьями.

Безопасности ради по ночам они спускаются в подвал и спят там. Ночью солдаты и жандармы врываются в дома и хватают детей. Многих уже так поймали. В подвале холодно, но если закутаться в одеяло, холод не достает. Отто пробирается тайком и сообщает, что Анна в целости и сохранности добралась в горы и от нее уже пришло письмо. Каждое письмо с гор – маленькая победа. Сомневающиеся, понятное дело, стоят на своем и говорят: «Кто его знает, в каких условиях писались эти письма. Принесшие их крестьяне требовали еще денег. Нет в них человеколюбия, одна алчность».

Хуго слышит голоса сомнеющихся, и ему хочется сказать Отто, что тот не должен быть таким пессимистом. Пессимизм ослабляет. Ты должен быть сильным и ободрять свою маму.

Вначале большинство были оптимистами, но за последние недели они превратились в меньшинство. Люди оставляют свои надежды и переступают через них.

Ночью мама признается, что ей так и не удалось найти крестьянина, готового спрятать Хуго. Если не будет выхода, она отведет его к Марьяне.

Марьяна – украинка, учившаяся с мамой в начальной школе. Еще девочкой она бросила учебу и покатила вниз. Что это значит – покатила вниз, спрашивает себя Хуго. Телега катится вниз и с грохотом валится в овраг, а человек просто падает с ног и никакого грохота при этом не слышно.

Хуго нравится вслушиваться в слова. Есть слова, сам звук которых делает их смысл понятным, а есть такие, что не рисуют в голове картинок, а мелькают, ничего ему не объясняя.

Иногда Хуго спрашивает у мамы значение того или другого слова. Мама старается объяснить, но не всегда ей удается сделать из слова картинку.

А тут приходит тетя Фрида с новостями. Фрида – притча во языцех. Все говорят о ней с некоторой усмешкой. Дважды была замужем, а в последнее время живет с украинским парнем сильно помоложе ее.

– Юля, не переживай, мой дружок готов взять вас к себе в деревню. У него есть отличное укрытие.

Мама в растерянности. Она обнимает Фриду и говорит:

– Я не знаю, что делать.

– Не отчаивайся, дорогая, – говорит Фрида, радуясь, что семья снова принимает ее.

Фрида симпатичная женщина. Она носит необычные наряды и время от времени становится причиной скандалов. Из-за ее беспутного образа жизни вся семья от нее отделилась. Даже мама, вечно помогающая нуждающимся, обходила ее своим сочувствием.

Фрида снова нахваливает своего друга, готового подвергнуться опасности ради нее и ее семьи.

– Только украинцы смогут спасти нас, если захотят, – говорит она, радуясь, что может помочь своей семье, которая годами пренебрегала ею.

Мама снова ее благодарит и говорит:

– Я уже совсем отчаялась...

– Нельзя отчаиваться, – отвечает Фрида, и понятно, что она многие годы повторяла себе эту фразу, а вот теперь в состоянии доказать, что отчаяние есть на самом деле заблуждение. – Всегда есть выход. Всегда есть кто-то, кто любит тебя, нужно только запастись терпением и дождаться его.

Хуго вглядывается в ее лицо и к своему удивлению обнаруживает в нем черты маленькой девочки.

3

В гетто людей становится все меньше и меньше. Теперь хватают стариков и детей в домах и на улицах. Хуго проводит большую часть дня в темном подвале, читая и играя в шахматы при свете лампы-коптилки. Из-за темноты он часто раньше времени засыпает. Во сне он убегает от жандармов, залезает на дерево, но в конце концов падает в глубокий колодец. А проснувшись, радуется, что падение не причинило ему боли.

Каждые несколько часов мама приходит взглянуть на него. Она приносит ему ломоть хлеба, намазанный смальцем, иногда яблоко или грушу. Хуго знает, что она недоедает, чтобы побольше досталось ему. Он уговаривает ее поесть вместе с ним, но она не соглашается.

Еще один эшелон. Хуго стоял у узкого оконца и наблюдал за высылаемыми. Толчки, крики, яростные стычки. В плотной толпе бросается в глаза живописная фигура Фриды. На ней цветастое платье, шевелюра растрепана, и издали заметно, что давка почему-то вызывает у нее смех. Она машет своей соломенной шляпкой, как будто ее не схватили, а она по своей доброй воле отправляется куда-нибудь на курорт.

– Мама, я видел Фриду в эшелоне.

– Не может такого быть.

– Да своими собственными глазами видел.

Вечером мама выясняет, что Фриду на самом деле схватили и выслали без каких бы то ни было вещей. Рухнула надежда на то, что ее украинский дружок даст им убежище.

Мама все больше говорит о Марьяне. Она живет за городом, и добираться до нее придется, как видно, по канализационным трубам. Эти трубы широкие, и ночью нечистот по ним течет мало. Мама пытается говорить нормальным голосом и время от времени придает своим словам этакое приключенческое оттеночное. Хуго знает: это для того, чтобы успокоить его.

– Где Отто?

– Тоже, скорей всего, прячется в каком-нибудь подвале, – коротко отвечает мама.

С тех пор как мама объяснила ему, что путь к Марьяне лежит по канализационным трубам, Хуго пытается вспомнить ее образ. Но в результате всех усилий вырисовываются только высокий рост и длинные руки, обнимающие маму при встречах, которым он был свидетелем. Встречи были обычно мимолетными. Мама передавала Марьяне пару посылок, а та тепло ее обнимала.

– Марьяна живет в деревне? – интересуется Хуго в этой новой темноте.

– В предместье.

– Я смогу играть на улице?

– Думаю, нет. Марьяна тебе все объяснит. Мы с ней еще девочками подружились. Она добрая женщина, только судьба у нее нелегкая. Ты должен быть очень дисциплинированным и делать все в точности, как Марьяна тебе велит.

Что это значит – судьба у нее нелегкая? – спрашивает себя Хуго. Ему трудно представить себе такую высокую и красивую женщину печальной или униженной.

Мама снова повторяет:

– У каждого своя судьба.

Эта фраза такая же непонятная, как предыдущая.

А пока что мама приносит в подвал рюкзак и чемодан. В рюкзак уложены книги, шахматы и домино. В набитом чемодане – одежда и обувь.

– Не волнуйся, Марьяна обо всем позаботится. Я с ней говорила. Она тебя любит, – говорит мама дрожащим голосом.

– Мама, а куда ты пойдешь?

– Попробую укрыться в соседней деревне.

Мама больше не читает Хуго из Библии, но когда он гасит лампу, то слышит ее голос, зовущий его. Ее голос мягкий, мелодичный и проникающий в душу.

– Ты должен вести себя, как большой, – говорит мама каким-то не своим голосом.

Хуго хочется ответить ей, что он будет делать все, что велит ему Марьяна, но он не раскрывает рта.

Ночью подвал сотрясают звуки снаружи. Большей частью это рыдания женщин, у которых отняли детей. Женщины в отчаянии бегут за жандармами и умоляют вернуть им детей. Мольбы бесят жандармов, и они с остервенением бьют женщин.

После облавы воцаряется тишина, только слышатся там и здесь сдавленные рыдания.

Хуго не спит. Все, что происходит в доме и на улице, трогает его. Каждое случайное впечатление возвращается к нему ночью более ярким. Ему трудно читать и играть в шахматы, образы и звуки переполняют его.

– Где Отто? – снова спрашивает он маму.

– В каком-нибудь подвале.

Хуго почему-то уверен, что Отто тоже схватили, швырнули на грузовик и сейчас везут на Украину.

Мама сидит, скрестив ноги, и описывает ему жилище Марьяны.

– У нее есть большая комната, а при ней чулан. Днем ты будешь в большой комнате, а ночью будешь спать в чулане.

– Меня и у Марьяны могут схватить? – осторожно спрашивает Хуго.

– Марьяна будет беречь тебя как зеницу ока.

– Почему я должен спать в чулане?

– Так безопаснее.

– А она будет читать мне из Библии?

– Если попросишь.

– Она умеет играть в шахматы?

– Думаю, нет.

Короткие вопросы и ответы звучат для него последними приготовлениями к тайному путешествию. Хуго тяжело сидеть в подвале, и он с нетерпением ожидает того дня, когда навьючит на себя рюкзак и вместе с мамой спустится в канализационную трубу.

– Там есть школа? – вдруг спрашивает он.

– Милый, ты не будешь ходить в школу, ты должен будешь сидеть в укрытии, – отвечает мама изменившимся голосом.

Для него это звучит как наказание, и он спрашивает:

– Все время в укрытии?..

– Пока война не кончится.

Ну, это ничего: он где-то слышал, что война не продлится долго.

Маме больно слышать, как Хуго вслепую пытается что-нибудь разузнать. На большую часть его вопросов она отвечает полными фразами, на другие короткими полуфразами, но всегда правду. Она взяла себе за правило не обманывать его. Но если по-честному, иногда она выражается туманно, отвлекает его внимание и скрывает от него кое-какие вещи. Оттого она испытывает некоторые угрызения совести. Чтобы справиться с ними, она говорит:

– Ты должен быть начеку, вслушиваться в каждое слово и понимать, что мы живем в необычное время. Все теперь не так, как раньше.

Он чувствует, что мама в отчаянии, и говорит:

– Я вслушиваюсь, мама, все время вслушиваюсь.

– Спасибо, милый, – отвечает мама и чувствует, что в последнее время теряет контроль за словами. Они слетают с языка, но не затрагивают сути. Она, например, хочет рассказать ему о Марьяне и о том, чем она занимается – чтобы знал и остерегался, но никакие слова, которые она пытается подыскать, не помогают ей.

– Прости меня, – говорит она внезапно.

– За что, мама?

– Ничего, просто так, с языка сорвалось, – и она прикрывает рот платком.

Но это не успокаивает Хуго. Ему кажется, что мама хочет открыть ему большую тайну, но почему-то не решается. И из-за этой своей нерешительности он опять спрашивает о том, о чем мама уже рассказывала ему.

– У Марьяны есть дети? – пробует он зайти с другого конца.

– Она не замужем.

– Чем она занимается?

– Работает.

Чтобы покончить с этим допросом, мама говорит:

– Ни к чему столько вопросов. Я тебе повторяю: Марьяна добрая женщина, она будет беречь тебя как зеницу ока, я в ней уверена.

На этот раз Хуго обижается и говорит:

– Больше не буду спрашивать.

– Спрашивать ты можешь, только знай, что не на каждый вопрос есть ответ. Некоторые вещи невозможно объяснить, а есть такие, что дети в твоём возрасте не поймут. – И добавляет, чтобы немножко успокоить его: – Поверь мне, очень скоро тебе все станет ясно, ты многое поймешь и без моих ответов, ведь ты такой умный мальчик.

Мама широко раскрывает глаза, и оба они улыбаются.

4

Наконец наступила ночь. Ей предшествовал целый день обысков в доме за домом, арестов и криков ужаса. Петля затягивалась все туже, и мама решила, что в полночь они отправятся в путь. Все эти дни в подвале Хуго не ощущал страха. Теперь же, когда он, стоя на коленях, запихивал книжки в рюкзак, его руки дрожали.

– Мы ничего не забыли? – спрашивает мама, как она обычно спрашивала перед тем, как они отправлялись в отпуск.

В час ночи они поднялись по ступенькам в темный дом. Сквозь темень Хуго была видна его комната – письменный стол, комод и книжный шкаф. Его школьный портфель лежал около ножки стола. «Я больше не буду учиться в школе» – промелькнуло у него в голове.

Мама торопливо уложила кое-какие небольшие вещи в сумочку, и они через заднюю дверь вышли на улицу. На улице было темно и тихо, и они шли, прижимаясь к стенам, чтобы

никому не попасться на глаза. Около дома, где раньше была кондитерская, был люк. Мама подняла его крышку, спустилась вниз, и Хуго бросил ей чемодан и рюкзак. Он тут же свесил ноги вниз, и мама ухватила его обеими руками. На их счастье, в это время поток нечистот не был глубок, но из-за вони и спертого воздуха идти было трудно. Хуго знал, что многих схватили при выходе из канализации. Мама предположила, что воскресной ночью часовые напьются и не выйдут из гетто, чтобы сидеть в засаде и подстерегать беглецов. Дышать становилось все труднее. Только они дотащились до середины, как у Хуго подкосились ноги. Мама не потеряла самообладания, потащила его за собой и наконец подняла наружу. Когда он открыл глаза, то увидел, что лежит на траве.

– Что случилось, мама? – спросил он.

– Там было душно, и тебе стало дурно.

– Я ничего не помню.

– Да нечего там помнить, – попыталась отвлечь его она.

Потом Хуго будет много думать об этой темной ночи, стараясь связать воедино все детали, снова и снова удивляясь тому, как мама сумела вытащить его из канализации и вернуть к жизни.

А пока что было опасно задерживаться в чистом поле. Пригибаясь, они пошли к ближайшей рощице. Каждые несколько минут опускались на колени и прислушивались.

– Марьяна работает по ночам, и тебе придется оставаться одному, – сообщила мама еще одну подробность.

– Я буду читать и решать задачи по арифметике.

– Надеюсь, у Марьяны в комнатке есть лампа, – сказала мама дрожащим голосом.

– Когда ты придешь повидать меня?

– Это от меня не зависит, – ответила она без особенного выражения.

Потом они устроили перерыв и сидели молча, и Хуго казалось, что уже прошло много часов с тех пор, как они вышли из подвала, прошли по канализации и выбрались оттуда.

– Папа тоже придет навестить меня? – спросил он, не думая, что причиняет маме боль.

– Разгуливать по улицам очень опасно, разве не видишь сам?

– А после войны вы придете повидать меня?

– Мы тут же придем. Даже на минутку не задержимся, – ответила она, довольная, что на этот раз нашла верные слова.

После этого она рассказала ему, что не собирается возвращаться домой, а пойдет в соседнюю деревню. У нее там есть подруга, с которой она когда-то ходила в школу, и, может быть, эта подруга согласится спрятать ее, пока не закончатся трудные времена. А если эта подруга не согласится, она пойдет в деревню Хлинице, там живет женщина, которая работала служанкой в доме бабушки и дедушки, пожилая женщина с хорошим характером.

– Почему ты не останешься со мной?

– Там для меня нет места.

Потом она стала говорить так быстро, как будто читала вслух или декламировала. Он не понял ничего из того, о чем она говорила, только почувствовал, что она хочет открыть ему нечто, что трудно объяснить. Голос был ее, но не обычный ее голос.

– Мама!

– Что?

– А ты придешь навестить меня? – слова сами вырвались у него изо рта.

– Конечно, приду. Разве ты сомневаешься?

Тишина смешалась с темнотой, и от мягкой почвы поднимался запах влажной травы, по которой они ступали.

– Осень, – произнесла мама, и ее голос стер воспоминание о душной канализации и страхах этой ночи.

Другие образы, тихие и чарующие, возникают из глубины забвения.

Осенью они обычно вместе ездили на выходные в Карпаты полюбоваться природой. Осень покрывала землю бесчисленными оттенками, и они ступали медленно, чтобы не повредить большие листья, оторвавшиеся от деревьев и ярко расцветившие все вокруг. Отец Хуго нагибался, поднимал лист и говорил:

– Напрасная трата.

– Трата чего? – не заставлял себя ждать мамин вопрос.

– Этой красоты.

Говорились тогда и другие чудные вещи, но Хуго их не воспринимал, а может – не сохранил их в памяти. Его общение с родителями было в такие часы деликатным и приятным, и сказанное погружалось в него.

На секунду Хуго показалось, что мама вот-вот скажет: «Уже поздно, пойдем домой. Мы ошиблись, но это можно исправить». Иногда маме требовалась эта фраза – одно из ее оптимистических выражений. Папа любил эту фразу и старался пользоваться ей на свой собственный лад.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, глядя на Хуго широко раскрытыми глазами.

– Отлично.

– Слава богу. Через полчаса мы уже будем у Марьяны.

Хуго, переполняемый воспоминаниями о Карпатах, попытался отложить расставание и сказал:

– Зачем торопиться?

– Марьяна ждет нас. Мне не хотелось бы ее задерживать. Уже поздно.

– Ну еще немножко.

– Нельзя, милый. Дорога оказалась долгой, вопреки тому, что я думала.

Хуго знакома эта фраза – вопреки тому, что я думала, – но в этот раз она прозвучала как бы вырванной из другого места и другого времени.

– Который час? – спросил Хуго.

– Половина третьего ночи.

Странно, промелькнула у него мысль, почему мама говорит – «ночи»? Ведь вокруг ни единого огонька, одна только ночь. Зачем же это «ночи», разве само собой не понятно?

– Уже очень поздно. Мне не хочется слишком уж беспокоить Марьяну. Но если мы постараемся, через полчаса будем там, – тихо сказала мама.

5

Мама оказалась права. Вскоре они уже стояли перед узкой деревянной дверью. Мама постучала, и на заданный женским голосом вопрос ответила:

– Юлия.

Дверь открылась, и в ней показалась высокая женщина в длинной ночной сорочке.

– Вот и мы, – сказала мама.

– Заходите.

– Я тебя не побеспокою. Одежда Хуго в чемодане, а в рюкзаке книги и игры. Мы шли по канализационным трубам. Надеюсь, одежда не испачкалась. Ты знакома с Хуго?

– Он вырос с тех пор, как я в последний раз видела его, – сказала она и взглянула на него.

– Он хороший мальчик.

– Не сомневаюсь.

– Марьяна присмотрит за тобой. Она помнит тебя с тех пор, как ты был малышом.

– Мама... – сказал Хуго, не в силах больше выговорить ни слова.

– Мне надо уходить, чтобы добраться до деревни до рассвета. – Она говорила со странной торопливостью, достала какой-то блестящий предмет и подала его Марьяне.

– Что это? – спросила Марьяна, не глядя на драгоценность.

– Это для тебя.

– Бог ты мой. А ты?

– Я пойду отсюда к Сарине, надеюсь добраться туда до восхода солнца.

– Будь осторожна, – сказала Марьяна и обняла маму.

– Хуго, дорогой, помни – всегда быть тихим и вежливым. Не приставать с вопросами и ни о чем не просить. Всегда говорить «пожалуйста», всегда говорить «спасибо».

Слова застревали у нее во рту.

– Мама... – Он пытался задержать ее еще хоть на минуту.

– Я должна идти, береги себя, родной, – сказала мама, поцеловала его в лоб и резко отодвинулась от него.

– Мама, – хотел сказать он, но слово застряло у него во рту.

Он еще успел поглядеть, как она уходила. Она шла пригнувшись, пробираясь сквозь кусты. Когда густая темень поглотила ее, Марьяна закрыла дверь.

Жизнь переломилась, но Хуго не почувствовал этого. Может, из-за пронизывавшего ночного холода, а может – из-за усталости. В растерянности он сказал:

– Мама ушла.

– Она вернется, – ответила Марьяна без особой уверенности.

– До деревни далеко? – спросил Хуго, нарушив первую из маминых заповедей.

– Не беспокойся о маме, она опытная, дорогу найдет.

– Извините, – попытался он исправить свою ошибку.

– Ты наверняка устал, – сказала Марьяна и отвела его в чулан. Это было длинное узкое помещение без окон, с первого взгляда напоминавшее просторную кладовку у них дома, только запах кожи тут же напомнил ему подвал сапожной мастерской «Юпитер», куда мама раз в несколько месяцев относила обувь в починку.

– Это будет твоя спальня. Дать тебе чего-нибудь попить?

– Спасибо, не нужно.

– Принесу тебе супа.

Присмотревшись, он разглядел цветастые халаты на вешалках, несколько пар обуви, а на чем-то вроде скамейки – разбросанные шелковые чулки, корсет и бюстгальтер. Эти женские принадлежности на миг привлекли его внимание.

Марьяна принесла суп и сказала:

– Пей, миленький, у тебя был трудный день.

Хуго напился супа, а Марьяна осмотрела его и сказала:

– Большой парнишка. Сколько тебе?

– Одиннадцать.

– Выглядишь старше. Снимай ботинки и укладывайся спать. Завтра сядем вместе и обсудим, как сделать твою жизнь у меня поприятней, – сказала она и закрыла за собой дверь чулана.

На улице еще было темно, и сквозь трещины в стенах в чулан проникали крики хищных птиц и звонкий голос пробудившегося петуха. На миг ему показалось, что вот-вот распахнется дверь и, сгорбившись, как все эти последние недели, войдет мама и сразу сообщит ему, что нашла прекрасное убежище и теперь они смогут быть там вместе. Ее выразительный голос был так ясен, и он с нетерпением ждал ее прихода. Но в конце концов усталость одолела его, и он уснул.

Это был беспокойный сон, давящий на грудь и сковывающий ноги. Несколько раз он пытался избавиться от этого угнетенного состояния. Проснулся, и ему стало получше.

Теперь можно было разглядеть чулан, еще более узкий, чем казался раньше. Сквозь трещины в досках пробивался свет и освещал заднюю часть. Передняя же оставалась окутанной начинавшей рассеиваться тьмой.

Сон, как выяснилось, стер из его сердца ожидание. Он видел маму, стоящую за прилавком аптеки, папу рядом с ней – как будто бы время оставило их там. Ужас последних месяцев не отразился на них. Они выглядели спокойными и умиротворенными, и если б не их вид ледяных статуй, несколько не изменившимися.

Он еще дивился этой замороженности, когда открылась дверь и появилась Марьяна в цветастом халате с кружкой молока в руках.

– Как спалось?

– Хорошо.

– Попей, и я покажу тебе свою комнату.

Хуго взял кружку и попил. Молоко было сладкое и свежее, проникая внутрь, оно согрело его.

– Где мама? – не смог он сдержать себя.

– Она ушла в деревню искать убежище.

– Когда она придет ко мне? – Снова он забывается, снова спрашивает...

– На это потребуется какое-то время. Пойдем, я покажу тебе свою комнату.

Такого сюрприза он не ожидал. Комната была просторной, светлой, с занавесками на окнах. Все покрывала в комнате были розового цвета, и стулья тоже. На тумбочках в беспорядке стояли разноцветные баночки и бутылочки.

– Ну как, нравится тебе комната?

Хуго не знал, что сказать, и вымолвил:

– Очень красиво.

Марьяна усмехнулась приглушенным смешком, непонятно что означавшим.

– Комната очень красивая, – поправил он себя.

– Днем ты сможешь тут играть. Иногда я сплю днем, и ты будешь охранять мой сон.

– Я буду играть в шахматы, – отвечает он.

– Иногда мне придется тебя прятать, но ты не волнуйся, это будет ненадолго, и ты снова будешь возвращаться сюда. Можно сидеть в кресле или на полу. Ты любишь читать?

– Очень.

– У меня не соскучишься, – сказала Марьяна и подмигнула.

6

Марьяна ушла и оставила его наедине с самим собой. Комната не походила на обычную жилую. Розовые покрывала, ароматы духов напомнили ему дамскую парикмахерскую. Одна такая парикмахерская была недалеко от его дома. Там тоже была розовая мебель. По углам полным женщинам мыли головы и делали маникюр и педикюр. Все там совершалось с расслабленной ленцой, смешками и нескрываемым удовольствием. Ему нравилось стоять и глядеть на эти радости, но мама никогда не переступала порога парикмахерской. Каждый раз, что они проходили мимо, ее губы складывались в улыбку, значения которой он не понимал.

Долгое время он стоял неподвижно, гадая о назначении этой просторной комнаты, и в конце концов решил: это не парикмахерская. В парикмахерской посередине не стоит широкая кровать.

Тем временем Марьяна вернулась и принесла поднос с маленькими бутербродами, сказав:

– Это для тебя, садись в кресло и кушай, сколько захочешь.

Хуго припомнилось, что на свадьбах официантки подавали такие же бутерброды. Дома бутерброды были попроще и без бумажных оберток.

– Это бутерброды со свадьбы, правда ведь? – сорвалось у него с языка.

– Мы тут едим такие бутерброды. Вкусные?

– Очень.

– Где ты жил в последнее время?

– В подвале нашего дома.

– Если тебя будут спрашивать, не говори, что сидел в подвале.

– А что говорить?

– Говори, что ты Марьянин сын.

Хуго, не зная, что сказать, наклонил голову.

Он чувствовал, что стоит на пороге нового периода своей жизни, периода, полного тайн и опасностей, и ему нужно быть осторожным и сильным, как он обещал маме.

Марьяна не сводила с него глаз. Хуго почувствовал себя неловко и, чтобы это прекратить, спросил:

– Это большой дом?

– Очень большой, – отвечала Марьяна, – но тебе можно быть только в моей комнате и в чулане.

– А во двор можно выходить?

– Нет, дети вроде тебя должны оставаться в доме.

Он уже обратил внимание, что Марьяна говорит короткими фразами и в отличие от мамы ничего не объясняет. Когда он покончил с бутербродами, она сказала:

– А теперь я приберусь, помоюсь, и ты вернешься в чулан.

– Можно я сам с собой поиграю в шахматы?

– Конечно, сколько душе угодно.

Хуго вернулся на свое место, и Марьяна затворила дверь чулана.

Три недели назад, когда усилились «акции», мама начала говорить о предстоящих переменах в его жизни, о новых людях, которых ему придется повстречать, и о незнакомом окружении. Она говорила не своим обычным простым языком, а со многими словами, с потайным значением. Хуго не задавал вопросов, он был растерян, и чем дальше она объясняла и предупреждала, тем больше росла его растерянность.

Теперь тайна обрела Марьянины черты.

Раньше он встречал Марьяну несколько раз, большей частью на темных тропинках. Мама приносила ей одежду и еду. Их встречи были прочувствованными и длились лишь несколько минут. Иногда они не встречались подолгу, и Марьянины черты стирались из его памяти.

Он приткнулся в темном углу, завернулся в какую-то овечью шкуру, и сдерживавшиеся до сих пор слезы брызнули и залили ему лицо.

– Мама, где ты? Где ты? – стонал он, как брошенный звереныш.

Наплакавшись, он уснул, и во сне очутился дома, а точнее – в своей комнате. Все было на месте. Вдруг появилась Анна и встала в дверном проеме. Она подросла и была одета в традиционное украинское платье. Оно шло ей.

– Анна! – закричал он.

– Что? – ответила она по-украински.

– Ты разучилась говорить по-немецки? – испуганно спросил он.

– Не разучилась, но я очень стараюсь не говорить по-немецки.

– Папа говорит, что родной язык невозможно забыть.

– Так оно, наверное, и есть, но я так старалась, что немецкие слова не лезут мне на язык, – сказала она на беглом украинском.

- Странно.
- Почему?
- Странно говорить с тобой по-украински.

Анна улыбнулась хорошо знакомой ему улыбкой, в которой смешались застенчивость и довольство собою.

- По-французски тебе тоже трудно говорить?

Она снова улыбнулась и сказала:

- В горах не говорят по-французски.
- Когда мы вернемся после войны, снова будем говорить по-немецки, правда?
- Полагаю, да, – сказала она как взрослая.

Только теперь он увидел, как она изменилась.

Она выросла, пополнела и стала больше похожа на юную крестьянку, чем на знакомую ему Анну. Кое-какие черты лица остались прежними, но стали более округлыми и полными.

- Анна! – сказал он.

- Что?

– А до конца войны ты не вернешься к нам? – спросил он и сам удивился своему вопросу.

- Мой дух все время здесь, но мое тело пока что должно быть в горах. А ты?
- Я пока что буду у Марьяны.
- У Марьяны?
- Такое впечатление, что она хорошая женщина.
- Надеюсь, что ты не ошибаешься.
- Мама тоже сказала мне, что она хорошая женщина.
- Как бы там ни было, остерегайся.
- Кого?
- Этих женщин, – сказала она и исчезла.

7

За миг до пробуждения Хуго успел увидеть, как Анна уменьшается до привычных ему размеров. Он так обрадовался, что она не переменилась, что от избытка чувств захлопал в ладоши и закричал «Браво!»

Он снова осмотрел чулан. Глаз остановился на цветастой широкополой шляпе, напоминавшей шляпы фокусников, которая висела на гвозде. Марьяна – фокусница, промелькнула у него мысль, ночью она развлекает посетителей цирка, а днем спит. Цирк ей как раз подходит. Тут же ему представилось, как она кричит по-птичьи, бросает высоко вверх шары и с изумительной ловкостью удерживает на голове три разноцветные бутылки.

Открылась дверь, и в проеме снова возникла Марьяна. На этот раз на ней было красивое платье в цветах, волосы собраны кверху, а в руках она держала тарелку супа.

- Прямиком с нашей кухни, – объявила она.

Хуго взял тарелку, уселся на свое место и сказал:

- Спасибо.

– Чем тут мой миленький занимался? – спросила она несколько искусственным голосом.

Хуго сразу заметил этот новый тон и ответил:

- Спал.
- Хорошее дело поспать, я тоже поспать люблю. А что видел во сне?
- Не помню, – сказал он, не раскрывая своих секретов.

– А мне снятся сны, и, к сожалению, я их помню, – сказала она и расхохоталась во весь рот.

Дома ни папа, ни мама не называли его «миленьким», «сладеньким» и тому подобными нежными словечками. Родителям претила такая словесная ласка.

Голодный Хуго мигом расправился с супом.

– Сейчас принесу тебе второе. Успел поиграть в шахматы?

– Я уснул, даже рюкзак не открывал.

– После еды можешь поиграть в моей комнате.

– Спасибо, – сказал он, радуясь тому, что слушается маминых наставлений.

Всего лишь день прошел с тех пор, как они расстались с мамой, а новое место уже не казалось ему чужим. Приходы и уходы Марьяны напоминали ему – возможно, своей периодичностью – мамины появления в подвале. Несколько часов назад ему показалось, что мама вот-вот войдет в чулан. Сейчас же он увидел, как она удаляется, скользя на волнах тьмы.

Тем временем вернулась Марьяна и принесла ему котлету с картошкой, сказав:

– Привет тебе от мамы, она добралась до деревни и останется там.

– Когда она придет навестить меня?

– Дороги сейчас опасные, ты же знаешь.

– Может, я к ней схожу?

– Для парней дорога еще опасней.

День превратился теперь для него в череду коротких снов. То это было парение в вышине, то плавание во тьме. Его внезапно разлучили с родителями и друзьями, и вот теперь он сидит в одиночестве на этом чужом полу, устланном длинными ковриками, с которых на него глазят вышитые большущие коты. Странно: сообщение о том, что мама благополучно добралась до деревни, он не воспринял как добрую весть. Он всегда был убежден, что мама принадлежит ему. Иногда уходит, но всегда возвращается вовремя. И сейчас новость о том, что она жива, прозвучала для него как нечто само собой разумеющееся. Он еще не знал, что там, снаружи, каждое удавшееся передвижение – уже чудо.

Хуго вытащил из рюкзака шахматы, расставил фигуры на доске и сделал первый ход. Чтение книг и беседы до позднего вечера – эта часть жизни принадлежала маме. А шахматы и прогулки по городу и за городом принадлежали папе. Папа немногословен, он внимательно слушает и отвечает одним словом или двумя. Родители оба фармацевты, но у каждого свой мир. Шахматы – игра с множеством ухищрений, и папа Хуго играет отлично. Хуго знает правила игры, но не всегда проявляет необходимую осторожность. Он рискует без необходимости и, понятное дело, проигрывает. Отец не отчитывает его за поспешность и ненужный риск, а только мягко посмеивается, как бы говоря: кто рискует без нужды, обречен на неудачу.

Когда папу схватили и отправили в лагерь, Хуго плакал дни напролет. Мама пыталась убедить его, что папу не схватили, а отправили на работу вместе со многими другими мужчинами, и скоро он вернется, но Хуго был безутешен. Он представлял себе слово «схватили» в виде волков. Сколько он себя ни уговаривал, никак не мог выкинуть этих волков из головы. Час от часу их стая увеличивалась, и они волокли схваченных людей своими громадными зубами.

Он проплакал несколько дней и перестал.

Хуго поднял глаза от шахматной доски: розовая комната по-прежнему его озадачивала. На тумбочках в позолоченных рамках поблескивали фотографии Марьяны, одетой в экзотические купальные костюмы. Ноги стройные, талия узкая, а груди выпирают как две дыни.

Странная комната, говорил он себе и пытался припомнить что-то похожее, но вспоминалась только парикмахерская, которую все называли «парикмахерской Лили», куда прихо-

дили состоятельные и избалованные женщины и сидели, развалившись в шезлонгах – а мама презирала все это.

Когда он сидел, погрузившись в игру, слышался женский смех. Не будучи знаком с домом, он не знал, раздается ли этот смех из соседней комнаты или со двора.

Он чувствовал, что его жизнь окутана многими тайнами. Но в чем они состоят, он мог лишь догадываться. Поиски приводили его в разные странные места. На этот раз ему показалось, что это смеется учительница физкультуры. Она была бесшабашной, говорила громким голосом, орала на дворника и на учеников и была всесильной повелительницей школьного двора.

Он встал, подошел к окну, отодвинул занавеску, и его глазам предстал маленький неухоженный двор, огороженный частоколом. Посреди двора стояли две коричневые курицы.

Он прислушался. Смех продолжался и переливался, но стал теперь приглушенным, как будто рот смеющейся женщины чем-то прикрыли либо она сама подавляет свой смех. Странно, сказал он себе, удивленный этим тихим двориком, живущим своей мирной жизнью.

Дневной свет приобретал красноватый оттенок, и Хуго вдруг увидел перед собой своего друга Отто. Выражение лица, особенно губ, было как всегда пессимистичным, что бросалось в глаза. Хуго тут же ясно вспомнил, как он безнадежно махал рукой при проигрыше. Поскольку это махание повторялось при каждом проигрыше, оно запечатлелось в памяти Хуго как некое застывшее движение. Мама говорила, что Отто прячется в каком-то подвале. Но Хуго видел, как Отто сидел в кузове одного из грузовиков, отвозивших схваченных в облавах людей на железнодорожную станцию.

На миг ему показалось, что Отто стоит возле двери.

– Отто, – прошептал он, – это ты?

На его шепот никто не ответил, и Хуго понял, что совершил ошибку. Ведь Марьяна строго-настрого велела не отвечать, если кто-то постучит в дверь.

Хуго свернулся клубочком в углу комнаты и замер.

8

Прошло несколько часов. Вечерние огни проникали сквозь окна и меняли цвета. Ему казалось, что подстерегавшие его опасности отступили и розовое пространство вокруг не только приятно, но и надежно. Его одолевало желание забраться в широкую мягкую постель и укрыться стеганым одеялом, но чутье подсказывало, что это Марьянино владение, запретное для него.

Он снова увидел родной дом, гостиную, родительскую комнату и свою. Дом не был просторным и ухоженным, но в нем было приятно. Каждое воскресенье приходили родители Отто и Анны. Хуго развлекал друзей у себя в комнате, угощал их лимонадом и фруктами. На выходные родители обычно покупали финики и инжир. С экзотическими фруктами в дом приходили те далекие жаркие страны, где они произрастали.

Гостям подавали также кофе с пирожными. Дом заполняли свежие и ароматные запахи. Все происходило с приятной неторопливостью. После ухода гостей хозяев одолевала меланхолия. Родители погружались в чтение, а Хуго сидел в своей комнате, перебирая в памяти лица гостей.

Свет в окнах посерел, и маленькое облачко осело на кустах возле забора. Он сразу разглядел, что это кусты сирени, как во дворе их дома, и его переполнила радость – он увидел что-то знакомое.

Когда ему было лет пять или шесть, он расстроился и плакал о цветах сирени, когда они внезапно увяли. Заметив, как он огорчен, мама обещала ему, что весной они снова расцветут и все будет как прежде. Ему нравился мамин оптимизм. Она всегда умела серый цвет превратить в яркий и приятный для глаз.

Папа, напротив, не умел сглаживать ситуации и менять их к лучшему. Под покровом молчаливости скрывался тихий скептик. Он не создавал вокруг себя мрачной атмосферы, но было ясно, что он не станет приукрашивать действительность. Хуго любил папу, но папины настроения его не увлекали. С мамой он всегда чувствовал себя в приподнятом настроении. Мама умела подсластить любую горькую пилюлю, как бы говоря: к чему предаваться черной грусти, когда можно помогать людям?

Теперь он снова видел папу. Почему-то ему показалось, что с тех пор, как его схватили, он постарел. Его волосы поседели, а лицо избороздили многочисленные морщины. Хуго было жаль, что папа так внезапно изменился, и он, как это делала мама, сказал себе: это обман зрения, неуместная мысль, при первой же возможности папа вернется, и все станет так, как прежде.

Пока его мысли сменяли одна другую, повечерело. Из Марьяниной комнаты чулан казался темным, и даже цветастые халаты, висевшие на вешалках, были окутаны мраком. Ему было печально от того, что он один, далеко от мамы с папой и друзей.

Жалость к себе продолжала обуревать его, но тут появилась Марьяна. На ней было то же платье, что и днем, но на этот раз она была веселее, губы накрашены, а волосы собраны в хвост, открывая ее длинную шею.

– Как себя чувствует мой юный миленький дружок? – спросила она хрипловатым голосом.

– Я играл в шахматы сам с собой, – начал оправдываться он.

– Жалко, я не умею играть, а то с удовольствием поиграла бы с тобой.

– Я вас научу, это не так уж сложно.

– Марьянина голова уже отупела. Когда голова не учится, она тупеет. А я ничему не училась с тех пор, как окончила школу.

– Можно попробовать, – сказал Хуго маминым тоном.

– Жалко времени, – ответила Марьяна и помахала рукой.

Несмотря на тусклый свет в комнате, он почувствовал, что Марьяна перебрала с выпивкой. Когда она перебирает с выпивкой, то, наверное, забывает, что Хуго еще мальчик и называет его «мой юный миленький дружок». Сейчас она переменила тон и сказала:

– Милый мой, скоро ты должен будешь перебраться в свой чулан.

– Я готов, – ответил Хуго и взялся за коробку с шахматами.

– Спокойной ночи и приятных сновидений.

– Может, у вас есть лампа? – спросил Хуго, забыв, что он на попечении чужих людей.

– Лампа! – расхохоталась она. – В чулане ламп не зажигают. В чулане закрывают глаза и засыпают. Эх, если бы и я могла спать по ночам...

– Извините, – сказал Хуго.

– За что ты извиняешься?

– За то, что попросил лампу.

– Ни к чему извиняться по таким мелким поводам. Иди ко мне, я поцелую тебя на ночь.

Марьяна встала на колени, и Хуго подошел к ней. Она крепко прижала его к груди и расцеловала в щеки и в губы. Запах коньяка ударил ему в нос.

– А мне не полагается поцелуйчик?

Хуго поцеловал ее в щеку.

– Так не целуются. Целоваться нужно крепко.

Хуго снова прикоснулся к ее лицу и поцеловал.

– Придется мне научить тебя целоваться, – сказала Марьяна и закрыла дверь чулана. Хуго стоял потрясенный: таких прикосновений он еще не знал.

Переход из Марьяниной комнаты в чулан – как если бы тебя вырвали из разноцветного мира и бросили в темный мир, пропитанный запахом овечьих шкур. Он уже немного привык к этому запаху, но не к темноте. Когда Марьяна запирает чулан, он еще больше чувствует духоту. Когда духота усиливается, он поднимается на ноги и стоит около щелей.

В светлое время дня ему видны луга с пасущимися лошадьми и коровами, серые поля и два дома, увитые плющом. Он уже видел детей с ранцами, идущих в школу. Странно, все дети ходят в школу, и только мне нельзя учиться. За что мне такое наказание?

За то, что я еврей, ответил он самому себе.

За что нас наказывают? – снова спросил он себя.

Дома об этом не говорили. Раз он спросил маму, как узнают, кто еврей, а кто нет. Мама ответила просто:

– Мы не делаем различия между евреями и неевреями.

– Почему высылают евреев?

– Из-за непонимания.

Этот загадочный ответ застрял у него в голове, и он старался разобраться, откуда взялось это непонимание и в ком его причина.

– Это евреи виноваты? – спросил он как-то.

– Нельзя обобщать, – мягко ответила мама.

Сколько он себя помнит, он пытался разбирать предложение и понимать значение слов. Эти попытки не доставляли ему радости. Папа поощрял его мыслить упорядоченно. Мама, напротив, учила его быть частью происходящего и не задавать лишних вопросов, потому что не на каждый вопрос есть ответ. Нужно тепло относиться к людям и не ждать вознаграждения за каждое дело.

– Хуго, ты должен быть щедрым. Скупые люди несчастны.

Это было ее главным правилом, и она ему следовала. В аптеке бедняки получали лекарства бесплатно, но мама считала, что этого недостаточно. У нее были подопечные бедняки, которых она навещала дома и приносила им горячую еду или немного денег. Марьяне она приносила чего-нибудь свежего поесть и теплую одежду.

В аптеку приходили не только бедняки, но и душевнобольные, мелкие нарушители закона и даже настоящие преступники. Не раз аптеку окружали полицейские и сыщики. Родители были единодушны в том, что человека, пришедшего за лекарством, нечего придиричиво разглядывать. Не раз их обвиняли в помощи нарушителям закона. Мама всегда повторяла: «Мы не святые, просто не можем не замечать нуждающихся».

9

Хуго завернулся в овечьи шкуры, и ему показалось, что он вот-вот уснет – но добрый сон, который он уже ощущал кончиками пальцев, отступил, оставив его в темном безмолвном пространстве. Он снова видел дорогу сюда. В одной руке мама несла чемодан, в другой – рюкзак. Рюкзак был тяжелый, и Хуго было трудно его тащить.

Другая жизнь, сказал он себе – сам не зная, что говорит. И когда ему вырезали гланды, он не знал, что такое вынули у него из тела и сколько дней ему придется мучиться от боли. Люди рядом с ним, две медсестры и врач, казались ему грубыми и жестокими созданиями. Позади них беспомощно стояли мама и папа. Они глядели на него полными сострадания глазами, как будто говоря: Хуго, ты не одинок, мы всеми силами будем защищать тебя. Еще немножко, и врачи отпустят тебя, и ты вернешься к нам. Мы знаем, это нелегкое испытание, но через несколько дней все пройдет, и ты будешь с нами – как всегда.

Хуго очень ясно видел своих родителей. Далекое прошлое, которое пряталось от него, сбросило свое покрывало и стояло перед ним лицом к лицу. Ему было грустно от того, что он разлучен с любимыми родителями и должен валяться тут среди холодных вонючих шкур.

Еще будучи погружен в это пугающее видение, он услышал голос из Марьяниной комнаты. Это был голос недовольного мужчины, выражавшего это недовольство грубыми словами. Мужчина говорил на немецком, но отличавшимся от его немецкого. Хуго не понимал большинства слов. Сначала это забавляло его, но по мере того, как спор разгорался, в голосе мужчины слышалась явная угроза.

Марьяна, чей голос он отчетливо распознал, пыталась успокоить мужчину, но он продолжал стоять на своем. В конце концов Марьяна произнесла несколько фраз, насмешивших мужчину. Спор затих и сменился едва слышным шепотом.

Сон у него уже отняли. Он был начеку, и его внимание становилось все более острым. Из Марьяниной комнаты доносились скрипящие звуки, как будто кто-то пытался двигать тяжелую мебель. Эти движения все время усиливались, и было件нятно, что слов не стало и только невидимые движения делают свое дело.

Потом он услышал, как Марьяна говорит:

– Если я тебе не желанна, можешь выбрать себе другую женщину. Я не единственная в этом заведении.

Ответа мужчины он не разобрал. Они заспорили, но без злости. Под конец он услышал, как мужчина сказал:

– Ты очень хорошо знаешь мои условия.

– Я стараюсь, но не всегда получается.

– Это твое дело.

– Я всегда пила, и только в последнее время ты начал жаловаться.

– Потому что ты перебираешь. Пьяная женщина – это женщина с изъяном.

– Ты не прав, выпившая женщина – это женщина, свободная от всех пут и способная любить как следует.

– Мне не нравится, когда мешают одно с другим, выпивка сама по себе, а любовь сама по себе.

– А я как раз считаю, что их стоит сочетать. Любовь без рюмочки – это любовь тусклая, безвкусная и полная преград.

– Понятно, – последовал ответ, и было件 ясно, что он с ней не согласен.

– Что поделаешь, такая уж я, уже не переменишь.

Несмотря на усталость, Хуго уловил весь разговор. Слова «пьяный» и «коньяк» не были ему неизвестны. Дядя Зигмунд, мамин брат, страдал пристрастием к коньяку, и в доме у Хуго эта тема была постоянным предметом разговоров. Хуго любил дядю, даже когда он бывал навеселе. Когда он приходил к ним домой выпившим, мама выставляла Хуго из гостиной и велела ему не выходить из своей комнаты. Дядя Зигмунд был веселым пьяницей, шутил насчет своего пьянства и всех смешил. Одна только мама не смеялась. Его пьянство огорчало ее, и временами она от этого плакала.

Тем временем Хуго уснул.

Во сне он был со своими родителями, они купались в реке Прут. Вдруг появился дядя Зигмунд, пьяный и грязный. Мама в отчаянии пыталась заслонить от взгляда Хуго это постыдное зрелище. Сделать это руками у нее не получалось, так она накинула большое купальное полотенце ему на голову, и оно целиком окутало его. Хуго не хватало воздуха, и он попытался сбросить с себя полотенце, но мама держала его обеими руками и не желала слушать его криков. Но тут ее хватка ослабла, и Хуго упал в воду Прута, которая внезапно поменяла цвет и стала черной и липучей.

Увидев это, мама схватила его и потащила двумя руками с криком: «Ребенок утонул, ребенок утонул, спасите!» От духоты, а может, от крика, Хуго пробудился от этого кошмара.

Первый утренний свет проник в чулан. Из Марьяниной комнаты теперь доносились веселые голоса, как будто там катаются по кровати и бросаются подушками. Было ясно, что это не тот мужчина, что ворчал раньше. Этот мужчина был веселым и забавлял Марьяну.

– Ты смешной, – повторяла она.

– Я не собираюсь тебя смешить.

– А вот смешишь. Хорошо мне с тобой.

– Сейчас откушу тебе что-нибудь.

– И я тебе что-нибудь откушу!

Смех все усиливался, и было понятно, что они рады друг другу.

Потом послышался голос мужчины:

– Поздно уже, мне пора идти.

– А когда снова придешь? – тут же последовал вопрос.

– Не знаю, нашу часть переводят севернее.

– Если придешь сюда, не забудь меня.

– Понятное дело.

– Тебе было хорошо со мной, правда?

– Чудесно.

После непродолжительной паузы он сказал:

– Наверное, нашу часть отправят на фронт.

– Надеюсь, что нет, – ответила Марьяна.

– Помолись за меня, чтоб не ранило, лучше пусть убьет, чем ранит. С раненого толку, как с мертвого. Я ухаживал за многими ранеными солдатами.

– Я буду молиться, обещаю тебе.

– Ходишь в церковь?

– Иногда.

– Мое полное имя – Иоганн Себастьян. Родители называли меня в честь знаменитого композитора. Они надеялись, что я стану музыкантом.

– Я буду молиться, обещаю тебе.

– Странная просьба, да?

– Нет, почему же?

– За последние два года я видел слишком много раненых.

– Не бойся, милый.

– Я смерти не боюсь. Страшно, если ранят.

Он ушел, а сразу за ним ушла и Марьяна. Снова стало тихо.

Хуго положил голову на шкуры и сказал самому себе: «Странные вещи тут происходят, ничего не понимаю». Он закрыл глаза, и снова привиделся ему дядя Зигмунд. Из-за пристрастия к выпивке он не окончил учебу на врача. Раз за разом он обещал своей сестре, что вот-вот бросит пить и возобновит учебу. И так оно тянулось годами.

Не только его пьянство было постыдно. Иногда он приводил с собой женщину, обычно какую-нибудь проститутку из таких же пьянчужек, как и он. Они прямо-таки увивались за ним, обнимали и целовали его на глазах у всех и объявляли: «Зигмунд – принц, Зигмунд – король!» При виде подобной дамочки мамины глаза становились печальными. Папа был менее чувствителен к странным дядиным выходкам. Он садился и беседовал с ним, иногда целыми часами, о медицине и литературе. Хуго ничего не понимал из этих их разговоров, но любил их слушать. Уже тогда он говорил себе: «Все, что я вижу – сберегу в своем сердце». Уже тогда ему было больно от мысли о том, что жизнь проходит и мертвые не восстанут к жизни.

10

Похоже, про Хуго забыли, потому что только в десять часов Марьяна появилась в дверях чулана с кружкой молока в руке.

– Как поживает миленький Марьянин кутенок?

– С ним все в порядке, – подделался он под ее тон.

– Марьяна сейчас приберет в комнате, и сможешь перейти туда. Сегодня утром Марьяна не будет спать. Ей нужно сходить в город за покупками. А ты можешь тихонько там посидеть.

– Спасибо.

– Что это ты за все благодаришь? Марьяна не привыкла к благодарностям. Благодарят только за что-нибудь большое.

За что, к примеру? – хотел спросить он, но промолчал.

Он пил теплое молоко, и с каждым глотком чувствовал, как жажда, мучившая его с момента пробуждения, проходит. Тем временем Марьяна прибрала в комнате, нарядилась, сменила блузку, и когда вернулась к нему, была уже другой: у нее было открытое, озаренное улыбкой лицо довольной женщины.

– Кутенок милый, Марьяна запрет комнату, и если кто-то постучит в дверь, не отзывайся.

Марьянина манера говорить о себе в третьем лице забавляла его. Ему не приходилось слышать, чтобы люди так говорили. Марьяна снова повторила свой наказ: «Если постучат в дверь, не отвечай. Смотри не ошибись, слышишь?»

Иногда Марьяна говорит с ним по-немецки, на ломаном языке, немного похожем на детскую речь. Несколько раз его подмывало поправить ее ошибки, но он чувствовал, что Марьяне это не понравится.

Перед уходом она сказала:

– Если проголодаешься, поешь бутерброды, что лежат на тумбочке, они вкусные, – вышла и заперла за собой дверь.

Он остался на месте, и на миг ему показалось, что его предшествующая жизнь переместилась в мир снов и стала далекой и недостижимой, а действительность состоит теперь из чулана, Марьяниной комнаты и самой Марьяны.

Эта мысль пронзила его, и Хуго одолела острая тоска – а за ней сразу пришла жалость к себе.

А потом он рухнул на пол и расплакался. Рыдал Хуго долго. Плач переполнял его, и он ощущал холодные стены одиночества. Постепенно рыдания перешли в прерывистые подвывания собачки, которую вышвырнули из теплого дома в конуру.

От всего этого плача он уснул на полу и настолько ничего не чувствовал, что даже приход Марьяны его не разбудил. Только когда она тронула его за ногу, он встрепенулся и понял, что спал.

– Мой кутенок уснул.

– Я спал... – пробормотал он.

– Сейчас принесем тебе горячего супу. А почему бутербродов не поел?

– Я спал, – повторил он, пытаясь полностью пробудиться.

– Кто-нибудь стучал в дверь?

– Я ничего не слышал.

– Спал мой миленький, спал как убитый, – сказала она и расхохоталась.

Тут же сходила и принесла ему суп и две котлеты. Хуго ел, сидя на полу, а Марьяна уселась на кровать и наблюдала за ним.

- Сколько тебе лет, миленький? – спросила она, забыв, как видно, что уже спрашивала.
- Одиннадцать, недавно был мой день рождения.
- Ты выглядишь постарше своих лет.
- Когда мама придет навестить меня? – вырвалось у него.
- На улице евреям очень опасно, лучше посидеть дома.
- А я под защитой, правда? – отчего-то спросил он.
- Ты в доме у Марьяны. Это немножко необычный дом, но ты к нему привыкнешь.

Если кто-то спросит, чей ты – отвечай во весь голос: я Марьянин, слышишь?

Это наставление в очередной раз поразило его, но он не открыл рта.

– Я много об этом думала. Тебе нужно подправить твой украинский. Ты очень похож на Марьяну. Большие глаза, как у Марьяны, темно-русые волосы и маленький носик. Если будешь получше говорить по-украински, никто тебя не распознает. Сделаем все постепенно, такие дела второпях не делаются. – Объяснять она ничего не стала.

Марьяна продолжала сидеть на кровати, следя за ним взглядом. Он не понимал, чего еще она в нем ищет. Хуго почувствовал себя неловко, побыстрее закончил еду и отдал тарелку Марьяне.

– Марьяна устала, сейчас она поспит часок-другой, а ты, миленький, возвращайся в свою конурку.

Хуго встал и пошел в чулан. У него тут выработалась понурая походка. Так, понури голову, идут животные, которых прогнали из дома.

Он вытащил из рюкзака коробку с шахматами, расставил фигуры и приступил к игре. Она развивалась как нужно. Он помнил папины предостережения насчет дебюта. Маленькая ошибка в дебюте, и игра проиграна. Он продолжал играть, и тут появился папа. Он выглядел как человек, прошедший много дней в затхлом тайнике, лицо его было бледным и желтоватым, глаза смотрели устало.

– Где ты был, папа? – Хуго поднял взгляд от доски.

– Лучше не спрашивай, – ответил тот, забыв, по-видимому, что разговаривает с сыном, а не со взрослым человеком.

– Папа, ты такой бледный.

Папа опустил голову и сказал:

– Я много дней был в закрытом месте.

– И я стану таким же бледным? – тут же вырвался вопрос у Хуго.

– Ты, дорогой, не пробудешь в чулане долго. Мы с мамой придем забрать тебя сразу, как окончится война, ты только наберись терпения, – сказал он и растворился во тьме.

– Папа! – позвал Хуго.

Никто ему не ответил.

Позже он снова показался сыну, и Хуго вел с ним долгий безмолвный разговор. Рассказал ему, что сейчас он под покровительством Марьяны. Марьяна очень занята, и он ее почти не видит, но еда, которую она приносит, вкусная. Ее жизнь – загадка, и с каждым днем становится все загадочнее. То она выглядит как волшебница, то выражается, как хозяйка трактира. К ней в комнату приходят люди, но эти встречи не всегда приятные. Услышав эту информацию, папа улыбнулся и сказал:

– Марьяна есть Марьяна. Ты в любом случае будь поосторожнее.

– Почему?

– Скоро сам увидишь.

Такая у папы манера выражаться. Всегда – одно слово или короткая фраза. Всегда вносит в свою речь чуть-чуть недоговоренности.

Как-то утром Хуго осмелился спросить Марьяну:

– Как называется это место?

- Заведение, – ответила она.
- Я не слышал такого названия.
- Еще услышишь, не беспокойся, – сказала она и улыбнулась.

11

Шли дни, осень ставила свои отметки на всем, что он видел. Облака спускались с неба и укрывали луга. Окутанные остатками ночной тьмы, побрели в школу дети. Порой проезжала нагруженная дровами телега, крестьянин нес на плече длинную косу.

Хуго перестал считать дни. Если бы он читал и решал задачки, как обещал маме, совесть бы его не мучила. Он еще не открывал ни книжки, ни тетрадки. Все, что было у него дома, в школе, во дворе дома и на игровой площадке, казалось ему теперь оторванным от его жизни.

Теперь он ловит каждое Марьянино слово, зависит от ее распорядка дня, от ее занятий и настроения. Когда она в мрачном настроении, черты ее лица меняются, она бормочет, чертыхается, рвет бумаги и бьет бутылки. Лучше, когда она выпьет. Тогда она становится веселой, говорит о себе в третьем лице и крепко его целует. Каждый день он обещает себе, что завтра будет читать, решать задачки и писать в дневнике. Обещает, но ничего этого не делает. Даже одну-единственную шахматную партию у него не получилось довести до конца. Все его внимание обращено на Марьяну. Он ждет ее прихода, а когда она опаздывает, он волнуется. Иногда ему кажется, что она стоит снаружи и охраняет его, а иногда он чувствует, что ей не до него. Она так занята собой, своими платьями, косметикой и духами. „Марьяна проклятая, все сосут ее кровь и ничего ей не дают“ – так она бормочет, когда сердится или не в духе. Хуго чувствует себя виноватым, ему хочется сказать ей: „Я ничего не прошу, мне довольно, что ты со мной“.

Как-то раз она сказала ему:

– Не бойся, Марьяна охраняет тебя, как львица. Пусть кто-то только попробует тронуть тебя, я его в клочки разорву. Я поклялась твоей матери присматривать за тобой во все глаза, так и сделаю. Юлия мне дороже родной сестры.

– Меня хотят поймать? – не удержался он от вопроса.

– А то! Ходят из дома в дом и ищут евреев, но ты не бойся. Ты мой, ты похож на меня, правда ведь?

Она это сказала, чтобы его успокоить, но ее слова его только растревожили. Перед глазами сразу предстали солдаты, рыщущие по домам и вытаскивающие оттуда прячущихся людей.

– И здесь тоже искали? – осторожно спросил Хуго.

– В моей комнате и в моем чулане они искать не посмеют.

Речь Марьяны простая и лишена словесных украшений, но каждое ее слово тут же превращается в картину, которая сопровождает его на протяжении дня, а то и двух. Однажды она сказала ему: „Трудно мне понять, почему преследуют евреев, среди них есть хорошие люди, не говоря уж о твоей матери Юлии, она всю душу отдает людям. Недели не проходило, чтобы она не принесла мне фруктов и овощей“.

Как только она сказала „всю душу отдает людям“, он увидел маму в образе длинной тонкой птицы, она парит над улицами города и тут оставляет пакет с едой, там приносит одежду какой-то бедной женщине. Папа говорил: „Язык – это инструмент мысли, выражаться нужно ясно и точно“. „Ясность“ и „точность“ были для него ключевыми словами. Мама не была такой точной, как он, но каждое произнесенное ею слово тут же превращалось в картину. То же самое чудесным образом происходило и с Марьяной. Странно, даже лаконичный язык может быть живописным, подумал он.

Но в те дни, когда она угрюма, на лице туча, она ни о чем не спрашивает и ничего не обещает. Подает ему кружку молока и тут же бросается на постель и спит по несколько часов. Иногда сон развеивает ее грусть. Она просыпается другой женщиной, рассказывает ему свои сны и прижимает его к себе. Такие моменты – это время милосердия, и Хуго умеет ценить их.

Но по большей части сон не высвобождает ее из пут депрессии. То, что угнетало ее до сна, продолжает мучить и после. Она топает ногами, бьет бутылки и объявляет, что в ближайшие дни сбежит отсюда. Такие отчаянные угрозы снова поселяют в его душе тревогу, но достаточно одной ее улыбки, чтобы рассеять облака страха – он сразу верит, что Марьяна не продаст и не бросит его.

Так проходят дни. Иногда ему видится Отто, а иногда Анна. Когда они являются ему, он так счастлив, что хочет расцеловать их так же крепко, как его целует Марьяна. Однажды они появились вдвоем, и Хуго в изумлении закричал: „Миленькие!“ Услышав этот странный эпитет, они широко раскрыли глаза, но ничего не сказали в ответ. Анна рассказала ему о своей деревне в горах, а Отто поведал, что и ему нашлось убежище в одной из деревень. На миг ему показалось, что вот-вот окончится война и все вернутся на свои места, к обычной жизни. Но в душе он знал – что было, того не вернешь. Время, проведенное в гетто и в укрытии, впечаталось в него, используемые им слова утратили свою силу. Теперь говорят не слова, а тишина. Это трудный язык, но как освоишь его – никакой другой язык уже с ним не сравнится.

12

Однажды ночью из Марьяниной комнаты послышались сердитые голоса. Марьяна говорила по-немецки, и мужчина исправлял каждую ее ошибку. Это бесило ее, и она со злостью сказала:

- Мы сюда пришли развлекаться, а не грамматику учить.
- Беспутная женщина беспутна во всем.
- Я, может, и беспутная, но не за любую цену.

На это мужчина ответил криками, оскорблениями и, похоже, пощечиной. Из Марьяниного горла вырвался сдавленный звук, но она не сдалась. В конце концов он пригрозил убить ее, но Марьяна не испугалась и крикнула ему: „Можешь убить меня, я смерти не боюсь!“

Внезапно ссора прекратилась, и на мгновение Хуго показалось, что Марьяна задохнулась и бьется в судорогах. Он поднялся на ноги и приложил ухо к стене, но ничего не услышал. Тишина становилось все более пугающей. Хуго задрожал от страха и снова свернулся клубком на своей лежанке.

У него дома следили за выражениями. Только дядя Зигмунд, когда выпьет, изрекал неприличности или ругательства. Мама обрывала его и говорила: „Ребенок слушает“. И ребенок в самом деле слушал и задавался вопросами о смысле неприличных слов, которыми нельзя пользоваться.

Тут из Марьяниной комнаты послышался женский голос. Женщина мягко убеждала Марьяну:

- Нельзя спорить с клиентом. Клиент приходит получить удовольствие и отдохнуть. Ему не нравится выслушивать замечания и когда ему противоречат.
- Он поправлял каждое мое слово, мне казалось, он своим языком будто бьет меня.
- Что тебе до этого, пусть себе поправляет.
- Что за манера такая, цепляться к каждому слову, это хуже побоев. Я, может, и беспутная, но я не рабыня.

– Наша профессия, дорогая, требует от нас большого терпения. У каждого клиента свои причуды. Не забывай, это длится не больше часа, и ты сразу от него избавляешься.

– Мне надоело, пусть делает, что хочет, только пусть не поправляет.

Женщина говорила мягко, с крестьянским выговором, и просила Марьяну пойти к мадам и извиниться.

– Если не извинишься и не скажешь, что была неправа, она тебя уволит. Жалко будет потерять работу.

– Мне все равно.

– Ты не должна говорить, что тебе все равно. Если кто так говорит, значит, он отчаялся.

Мы верим в Бога и в отчаяние так легко не впадаем.

– Я не хожу в церковь, – продолжала настаивать Марьяна.

– Но ведь ты веришь в Бога и в его Мессию.

Марьяна не отвечала. Из ее молчания было понятно, что ее упрямства чуть поубавилось. Наконец она спросила: „Что мне сказать ей?“

– Скажи, что извиняешься и больше не будешь перечить клиентам.

– Мне трудно такое произнести.

– Это все равно что сплюнуть и пойти дальше. Хватит тебе упрямиться.

Хуго напряженно слушал и уловил каждое слово.

Хуго понимает украинский. Он выучил язык от служанки Софии. София говорила: „Если хорошо выучишь украинский, я возьму тебя в нашу деревню. В деревне много живности, сможешь поиграть там с жеребенком и с ягненком“.

София всегда была веселой, пела и болтала с утра до вечера.

Когда он начал учиться в первом классе, она сказала ему:

– Жаль мне тебя, что каждый день тебе приходится ходить в школу. Школа – это тюрьма. Я ненавидела школу и учительницу. Она кричала на меня, оскорбляла меня и обзывала тупицей. Правда, мне не давалась арифметика и писала я с ошибками, но была тихой девочкой. Она любила еврейских детей и вечно говорила, что надо брать пример с них, учиться у них думать, а мне нужно выкинуть из головы солому и запустить туда пару мыслей.

– Я надеюсь, что тебе не придется страдать. Я мучилась все школьные годы и была рада освободиться из этой темницы. Ой, миленький, я забыла, – хлопнула она себя по лбу, – забыла, что ты еврей. Евреям арифметика не страшна. Ты будешь поднимать руку, каждый раз станешь руку тянуть. Кто руку поднимает – знает правильный ответ.

Хуго любил Софию. Она была полненькой и веселой, приправляла свою речь поговорками и пословицами и радовалась всему, что попадется на пути. Когда родителей не было дома, она пользовалась уличными словами вроде „суки“, „бляди“ и „сукиного сына“.

Как-то он спросил маму:

– Что такое блядь?

– Мы этим словом не пользуемся, это грязное слово.

А София пользуется, чуть было не сказал он.

Каждый раз, что он слышал это слово, ему представлялось, как София надраивает себя жесткой мочалкой – ведь каждый, кто говорит это слово, становится грязным и должен хорошенько отмыться.

Сейчас, в ночной темени, он видел Софию во весь рост, и она, как обычно, пела и ругалась, и это неприличное слово выскакивало у нее изо рта. Этот знакомый и ясный образ тут же вернул ему дом, и – о чудо! – все там было на своем месте: папа, мама, вечер и учитель игры на скрипке, который в гневе закрывает глаза каждый раз, когда Хуго фальшивит. Обучение Хуго игре продвигалось очень медленно. „У тебя прекрасный слух, и ты даже занимаешься, но тебе не хватает желания, а без сильного желания не добиться настоящего

успеха. Музыка должна быть внутри пальцев. Пальцы, внутри которых нет музыки, – слепые пальцы, они всегда будут бродить на ощупь, будут ошибаться или фальшивить“.

Хуго понимал, что от него требуют, но не знал в точности, как это делать. Иногда он чувствовал, что музыка в самом деле поселилась в его пальцах и достаточно еще небольшого усилия, чтобы они делали, что им велено, но в глубине души он знал, что эта гора, называемая „правильной игрой“, очень крутая и неизвестно, сможет ли он на нее взобраться.

И в этом Анна обгоняла его. Она уже выступала по случаю окончания учебного года, и ее будущность по этой части не вызывала сомнений. Несмотря на все старания Хуго не отставать, его успехи оставались средненькими, и в его табеле не было оценок „отлично“.

В соревновании за звание лучшего ученика года у Анны был только один серьезный соперник – Франц. Он отлично учился и по остальным предметам, с легкостью решал арифметические задачи, бегло писал и цитировал наизусть известные стихотворения и пословицы. Он был худощав, волосы у него на голове стояли торчком, поэтому его прозвали Ежиком – но можете не беспокоиться, ни один ученик в классе ему в подметки не годился. Его голова была полна дат, названий городов, имен вождей, полководцев, поэтов и изобретателей. Он проглатывал книги и энциклопедии. Не раз он смущал учителя своими познаниями. Однажды Анна, снедаемая завистью, сказала: „Он машина, а не человек“. Франц это слышал и не остался в долгу: „У познаний Анны есть определенный предел“.

Так продолжалось это соревнование. Даже война и гетто не прекратили его. Франц старался, чтобы Анна узнала обо всех его достижениях. Анна проверяла каждое из них и в конце концов сказала: „Во французском у меня нет соперников“.

Из темного угла чулана предыдущая жизнь внезапно представилась ему какой-то незначительной. Мама, бывало, говорила: „К чему соревноваться? К чему срамиться? В чем польза конкуренции и зависти? Пусть каждый соревнуется сам с собой, этого довольно“. Тогда он не понимал, что такое „соревноваться с самим собой“. Но сейчас его осенило: „Я должен сосредоточиться на слушании и наблюдении, записывать все, что услышат уши и увидят глаза. Меня окружают многочисленные тайны, и каждую тайну я должен записать“. Как только он сказал себе это – будто свет озарил темный чулан, и он понял, что мама, вытащившая его из вонючей трубы и вернувшая к жизни, сделала это снова.

13

Всю ночь Хуго дрожал от волнения. Мысль о том, что теперь он будет в точности записывать все, что видит и слышит, и концу войны у него наберется пять полных тетрадей, распалила его воображение. У него четкий почерк, и если немного постараться, его можно еще улучшить.

У мамы была тетрадка в замшевом переплете, в которой она писала о событиях дня – о семье, о фармацевтах и фармацевтике и, конечно, о помощи нуждающимся. Иногда она садилась и читала из этой тетради. Вот папу ему трудно представить сидящим и пишущим в тетради.

Отец раскрывался только за шахматной доской, и то только до определенного предела. Мама говаривала: „У Ганса мысли упорядочены, все бумаги на месте, каждый день известно, что есть в запасе и сколько чего. Что бы я без него делала? Он и спасатель, и спаситель“. Папа обычно отвечал одним и тем же: „Ты преувеличиваешь“.

Некоторые люди любили маму и восхищались ею, другие уважали папу и заказывали лекарства только у него. Что же касается помощи бедным, тут между ними не бывало разногласий, как и в отношении дяди Зигмунда. Мама любила его, потому что он был ее старшим обожаемым братом. А папа любил Зигмунда за то, что он был его полной противоположно-

стью, и изумлялся его разговорчивости и способности развлекать людей. В отличие от мамы папа не пытался убеждать Зигмунда бросить пить.

Когда дядя Зигмунд не был пьян, Хуго позволялось слушать его речи и даже задать вопрос-другой. Его вопросы веселили Зигмунда. Он утверждал, что евреи – странный народ с крючковатыми носами и жуткими ушами, тут же указывал на свои собственные нос и уши, тарасил глаза и говорил: „Поглядите на Зигмунда, что угодно о нем можно сказать, но уж красавчиком его не назовешь. С этой точки зрения он явный представитель своего племени“. Мама не соглашалась с братом. Если б не его слабость к коньяку, женщины стояли бы в очереди, чтобы предложить ему руку и сердце. Он высокий и красивый, и немецкие стихотворения и поговорки так и льются у него изо рта. Даже украинские народные песни он знает наизусть. Когда он хочет кого-то поразить или впечатлить, он говорит по-латыни. Мама гордилась им и в то же время стыдилась его. Он был надеждой их семьи. Все говорили: „Зигмунд станет большим человеком, вы еще услышите о нем“.

Этим надеждам не суждено было длиться долго. Еще студентом он поглядывал на бутылку. Тогда коньяк добавлял ему обаяния, но с возрастом он пил все больше и становился менее привлекательным. Люди отдалялись от него, а он погружался в свои фантазии.

Дядю Зигмунда схватили и выслали вместе с папой. Теперь Хуго видит его в полный рост. На крупном лице играет широкая проказливая улыбка. Он рассказывает и поет, и каждый раз, как неприличное слово вылетает у него изо рта, мама прерывает его.

Из головы Хуго постепенно улечиваются принесенные им с собой картины, но не образ дяди Зигмунда. Изо дня в день он увеличивался в его глазах. Мама все повторяла: „Это не Зигмунд, а то, что от него осталось. Если он перестанет пить, он снова станет таким, как прежде. Его место в университете, а не в трактире“.

Он и в самом деле был желанным посетителем в трактире, где растрчивал большую часть выделяемого семьей содержания. В конце месяца он просил в долг у приятелей. Маме было очень больно от того, что он топтался под дверями знакомых, и она каждый раз совала ему купюру или две и умоляла не просить в долг у посторонних.

Когда дядя Зигмунд приходил к ним домой, на папином лице появлялось особое выражение, предназначенное для приветствия дорогого гостя. Иногда, когда Зигмунд декламировал стихотворение и забывал слова, папа приходил ему на помощь и тут же краснел. Папа краснел каждый раз, когда собеседник ошибался или преувеличивал и ему приходилось вставлять слово или напоминать какой-то факт. Но теперь Хуго видит их вместе. И не папа восхищается своим шурином, а шурином восхищается папиным молчанием.

Ночью перед Хуго прошли чередой яркие и отчетливые видения, и он не сомкнул глаз. Он дожидался утра, чтобы раскрыть тетрадку и записать события дня, как он обещал маме. Ему казалось почему-то, что писать будет легко.

Утренний свет просачивался в чулан по каплям, и темень не исчезала. Время тянулось медленно, и его мучил голод. Марьяна и в этот раз опаздывала, его внимание было целиком поглощено желанием поест чего-нибудь, и видения, волновавшие его ночью, исчезли.

Только в одиннадцать часов, растрепанная и в ночной рубашке, появилась Марьяна и подала ему кружку молока со словами:

– Я просто провалилась в сон, миленький. А ты, конечно же, хочешь есть и пить. Что же я наделала, радость моя?

– Я думал о нашем доме.

– Скучаешь?

– Немножко.

– Я бы повела тебя на улицу, но сейчас везде опасно. Солдаты рыщут по домам, а на каждом углу торчат доносчики. Придется тебе потерпеть.

– Когда кончится война?

– Кто же знает?

– Мама говорила, что скоро.

– Она тоже мучается, и ей нелегко. Крестьяне боятся прятать евреев у себя дома, а те немногие, кто это делает, трясутся от страха. Ты это понимаешь, правда ведь?

– Почему наказывают евреев? – спросил он и тут же пожалел о своем вопросе.

– Евреи другие, всегда были другими. Я люблю их, но большая часть людей их не любит.

– Потому что они задают вопросы, когда не нужно?

– С чего это тебе пришло в голову?

– Мама говорила мне: не задавать вопросов, а слушать, а я все время это правило нарушаю.

– Можешь спрашивать, сколько тебе заблагорассудится, миленький, – сказала она и обняла его. – Я люблю, когда ты меня спрашиваешь. Когда ты меня спрашиваешь, я вижу твоих папу и маму. Мама была моим ангелом. Папа приятный мужчина. Как твоей маме повезло, что у нее такой муж. А я невезучая уродилась.

Хуго слушал и чувствовал в ее голосе затаенную зависть.

За несколько дней до этого он слышал, как Марьяна беседовала с одной из своих подруг и вдруг сказала:

– Я скучаю по еврейским мужчинам, они добрые и деликатные и никогда не потребуют, чтобы ты делала им всякие отвратительные вещи. Они трогают тебя сколько надо и как надо. Ты согласна?

– Совершенно согласна.

– И всегда принесут коробочку конфет или шелковые чулки, и всегда поцелуют, будто ты их верная подружка. Никогда не сделают тебе больно. Ты согласна?

– На все сто.

На миг ему показалось, что он понимает, о чем они говорят. Марьянин разговор отличался от всего слышанного им дома, она говорила о своем теле. Точнее, о боязни того, что ее тело ей изменит.

– Миленький, скоро нам придется тебя помыть. Пора уже, правда ведь?

– А где?

– Есть у меня потайная ванна, еще поговорим об этом, – сказала она и подмигнула ему правым глазом.

14

Каждые несколько дней Марьяна забывала о Хуго, и на этот раз она забыла о нем на много часов. В двенадцать она стояла в двери чулана в розовой ночной рубашке и смотрела на него виноватым взглядом, говоря: „Что подельывает мой миленький кутеночек? Я его забросила, все утро у него крошки во рту не было, он наверняка голоден и мучается от жажды. Это я во всем виновата, заспалась“.

Тут же она принесла ему кружку молока и ломоть хлеба с маслом. Теплое молоко быстро согрело его изнутри.

– Ты уже давно проснулся, о чем думал?

– Я думал о дяде Зигмунде, – честно ответил он.

– Бедняга, хороший человек.

– Вы знакомы? – позволил себе спросить Хуго.

– Со времен моей юности. Он был красавчик и вдобавок гений. Твоя мама была уверена, что он станет профессором в университете, да он приистрастился к рюмашке и порушил свою жизнь. Жалко. Он ведь хороший дядя, правда?

– Всегда подарки мне приносил.

– И что, например?

– Книжки.

– Он иногда приходил ко мне, мы болтали и смеялись. Он всегда смешил меня. Где он теперь?

– В рабочем лагере вместе с папой, – поспешил ответить Хуго.

– Я очень любила его, мечтала даже выйти за него замуж. Ты еще голоден, пойду принесу тебе бутербродов.

Хуго нравится еда, которую Марьяна ему приносит. В гетто еды не хватало. Мама делала все возможное и невозможное, чтобы приготовить еду из ничего. А здесь еда вкусная, особенно бутерброды. Благодаря этим бутербродам это место представляется ему большим рестораном, куда приходят люди со всего города, вроде ресторана Лауфера, куда родители ходили на его день рождения и на день рождения мамы. Папа свой день рождения отмечать отказывался.

Поев бутерброды, он спросил:

– А школа здесь есть?

– Я тебе уже отвечала – есть, но не для тебя. Ты теперь скрываешься у Марьяны до конца войны. Дети вроде тебя должны скрываться. Скучно, да?

– Нет.

– После обеда будем купаться. Пора уже приготовить горячую ванну, правда? А пока что я принесла тебе маленький подарок, крестик на цепочке. Сразу и надену его тебе на шею. Это будет твой талисман, он будет оберегать тебя. Его нельзя снимать ни днем, ни ночью. Подойди поближе, я тебе его надену.

– Все дети тут носят такие?

– Все.

Хуго почувствовал себя как в тот день, когда его вызвали к доске получать табель и учительница сказала: „Хуго хороший ученик, а будет еще лучше“.

Оказывается, тут есть ванная – за шкафом в Марьяниной комнате. С широкой шикарной ванной, маленькими шкафчиками и тумбочками, скамеечкой, мылами всех цветов и бутылочками духов.

– Я принесу два ведра горячей воды, добавлю холодной из-под крана, и устроим райскую ванну, – сказала Марьяна радостным голосом.

Хуго был поражен этим разноцветным великолепием. Это была ванная, но отличная от виденных им. Нарочитая роскошь как бы говорила – тут не только моются.

Вот ванна и наполнилась. Марьяна попробовала воду рукой и сказала:

– Чудная вода. Теперь раздевайся, миленький.

Хуго на миг замер от удивления. С тех пор как ему исполнилось семь, мама перестала его мыть.

Марьяна, увидев его смущение, сказала:

– Не стесняйся, я вымою тебя душистым мылом. Окунайся, милый, окунайся, и я тебя тут же намылю. Сперва окунаются, а только после намыливаются.

Смущение улетучилось, и какая-то незнакомая нега обволокла его тело.

– А теперь вставай, и Марьяна намылит тебя с головы до пяток. Теперь мыло сотворит чудеса.

Она намылила его и стала с силой тереть, но это было приятно.

– Теперь снова окунись, – велела она. Наконец облила его теплой водой и сказала: – Умница, делаешь все, что Марьяна тебе говорит. Она закутала его в большое душистое полотенце, надела ему на шею крестик, поглядела на него и сказала: „Правда хорошо было?“

– Отлично.

– Мы будем это часто делать.

Она поцеловала его в лицо и в шею и сказала:

– Уже ночь, темно, теперь я запру тебя, миленький, в твоей конурке. Ты ведь Марьянин, правда?

Хуго раскрыл было рот, чтобы спросить ее о чем-то, но вопрос выскочил у него из головы.

Марьяна сказала:

– После ванны лучше спится. Жалко, мне не дают спать по ночам.

Почему, чуть было не спросил он, но вовремя прикусил язык.

Этой ночью было тихо. Хотя из Марьяниной комнаты слышались звуки, но приглушенные. Вокруг была прохладная тишина, тонкие ночные лучики, проникавшие сквозь трещины в досках, расчерчивали сеткой его койку.

Теплая ванна и надетый на него Марьяной крестик соединились вместе, как бы образуя тайный ритуал.

Обе эти вещи были ему приятны, но он не понимал, что здесь тайна, а что нет. Этой ночью ему приснилось, что дверь чулана открылась и на пороге появилась мама. На ней было то же пальто, что и при их расставании, но теперь оно казалось толще, как если бы его набили ватой.

– Мама! – крикнул он во весь голос.

При звуке его голоса мама приложила палец к губам и прошептала:

– Я тоже прячусь. Я только пришла сказать тебе, что все время о тебе думаю. Похоже на то, что война долго продлится, не жди меня.

– Когда примерно кончится война? – спросил Хуго дрожащим голосом.

– Бог знает. Ты хорошо себя чувствуешь? Марьяна тебя не обижает?

– Я чувствую себя отлично, – ответил он, но мама отчего-то пожала плечами в сомнении и сказала:

– Если ты хорошо себя чувствуешь – значит, я могу спокойно уходить.

– Не уходи, – попытался остановить ее он.

– Мне нельзя здесь быть, но одну вещь я хочу сказать тебе. Ты хорошо знаешь, что мы не соблюдали религиозных традиций, но никогда не отказывались от своего еврейства. Этот крестик, который ты носишь, не забывай – это лишь маскировка, но не вера. Если Марьяна, или я, или не знаю кто еще попробует обратить тебя в другую веру, не говори им ничего, делай, как они велят тебе, но в душе ты должен знать: твои мама и папа, дедушка и бабушка были евреями, и ты тоже еврей. Евреем быть нелегко. Все нас преследуют, но это не делает нас неполноценными людьми. Быть евреем – это не знак отличия, но и не знак позора. Я хотела сказать тебе это, чтобы ты не падал духом. Читай каждый день главу или две из Библии. Чтение Библии укрепит тебя. Это все, что я хотела тебе сказать. Я рада, что ты хорошо себя чувствуешь. Я могу уйти спокойно. Война, похоже, будет долгой, не жди меня, – сказала она и исчезла.

Хуго проснулся с чувством боли. Уже много дней он не видел маму так ясно. Лицо у нее было усталое, но голос звонкий и слова четкие.

Вот уже несколько дней он обещает себе записывать в тетрадке события дня, но не выполняет обещания. Рука отказывается открыть рюкзак и достать оттуда письменные принадлежности. „Почему я не пишу? Ничего же нет проще. Достаточно только протянуть руку, и сразу появятся тетрадка и авторучка“ – так сидел Хуго и говорил сам с собою, но как будто не с собой самим, а с непокорным животным.

15

Тем временем дни стали короче, холод проникает сквозь трещины и морозит чулан, а овечьи шкуры не согревают. Хуго надевает на себя две пижамы и шерстяную шапку, но холод добирается до каждого уголка, и нет от него спасения. Ночью, когда в ее комнате никого нет, Марьяна открывает дверь чулана, и туда устремляется теплый воздух.

Иногда мелькает какой-то образ из прошлого, но тут же растворяется. Он боится, что однажды ночью холод и тьма вступят в союз и прикончат его, и по окончании войны, когда родители придут за ним, они найдут лишь окоченевший труп. Марьяна знает, как в чулане холодно ночью, и каждое утро повторяет:

– Ну что я могу поделать, если б только я могла перенести керамическую печку из своей комнаты в чулан. Тебе она нужнее, чем мне.

Когда Марьяна говорит это, он чувствует, что она действительно любит его, и ему хочется расплакаться.

Но утра в ее комнате очень приятны. Синяя печка гудит и излучает тепло, Марьяна растирает ему руки и ноги и велит холоду убираться вон из его тела, и – о чудо – холод на самом деле уходит и оставляет его в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.